

12

1970

EBEIO

Э. КАРХУ

ВСТРЕЧА ФИНСКОЙ КРИТИКИ С ГОРЬКИМ

О СВЯЗЯХ Горького с Финляндией существует уже некоторая, пусть скромная, но постепенно возрастающая критическая литература. В статьях советских и финских авторов (А. Амбуса, В. Федорова, А. Туртиайнена и др.) освещались связанные с Финляндией эпизоды биографии Горького, его неоднократные поездки в эту страну, его личные контакты с представителями финской интеллигенции, особенно дружба писателя с Акселем Галленом, известным финским художником. Не раз описывался в воспоминаниях и статьях тот необычайно восторженный прием, который был оказан Горькому в Хельсинки в феврале 1906 года, когда народные толпы в буквальном смысле слова носили писателя на руках, вопреки привычным представлениям о сдержанности финского характера. Часто цитировались письма самого Горького с не менее восторженными его впечатлениями о Финляндии, этой «милой стране» с ее сурово-величественной природой и талантливыми людьми.

Но как ни интересны эти биографические моменты, их констатацией еще не исчерпывается тема «Горький и Финляндия». Собственно, литературный ее аспект почти совершенно пока не изучен. Русскому читателю практически ничего не известно о том, как творчество Горького было встречено финской критикой, в какую оно попало «литературную среду», как к нему отнеслись финские писатели разных направлений.

Между тем тут открывается немало интересного и поучительного, потому что творчество Горького было сразу же, еще в начале нашего века, вовлечено в общественно-литературную борьбу в Финляндии и стало одним из ее факторов.

В центре нашего внимания будут не столько личные встречи писателя с финнами, сколько встреча финской критики с его творчеством.

Встреча эта состоялась в 900-е годы, в первое десятилетие двадцатого века. Творчество Горького, как и сама его личность, получило тогда необычайную популярность в Финляндии. Горького переводили на финский и шведский языки, о нем

стали писать. Например, в 1902—1903 годах на финском языке было издано четыре сборника рассказов Горького, а всего в первые два десятилетия XX века вышло до полутора десятков финских изданий произведений писателя, отчасти в финских рабочих издательствах в США. Пробудился интерес к драматургии Горького. В марте 1903 года Национальный театр в Хельсинки поставил пьесу «Мещане», а в сентябре того же года «На дне». Любопытно, что о последней пьесе газета «Пяйвяলেখти» проинформировала своих читателей еще до ее опубликования в России, сразу же после того, как с нею впервые познакомилась в авторском чтении труппа Московского Художественного театра.

В начале века финны хорошо понимали, что Горький стал одним из популярнейших писателей не только в России — его имя, как писал в 1902 году поэт Э. Лейно, «облетело на крыльях славы весь литературный мир».

Однако эта первая встреча финской критики с Горьким не была столь однозначна, как можно было бы заключить из отрывочных восторженных отзывов. Были попытки весьма различных толкований Горького, подчас в восторгах таились противоположные смысловые нюансы. По своему духу творчество Горького было столь новым явлением, что одинакового подхода к нему со стороны критики, в том числе финской, ожидать было трудно. Различия сказались уже в трактовке ранних горьковских образов, в понимании «босячества» его героев. Тем более разошлись мнения относительно дальнейшей эволюции творчества и мировоззрения писателя.

В 900-е годы творчество Горького истолковывалось в Финляндии и в духе либерально-буржуазного позитивизма, и в плане сближения горьковских босяков с нищенским бунтарством против «культуры», и с точки зрения идеологических задач, возникших перед финским рабочим движением. Правда, говорить о марксистской критике применительно к Финляндии 900-х годов едва ли правомерно, однако уже тогда, как увидим, между социал-демократической

и буржуазной печатью протекала своеобразная борьба за Горького.

Необходимо отметить, что в статьях финских критиков о Горьком отражалась до некоторой степени пестрая картина русской критики начала века. На ее суждения подчас ссылались сами финские критики, а в ряде случаев финские журналы печатали статьи русских авторов (И. Мандельштама, В. Смирнова и др.).

Одним из первых финских критиков, откликнувшихся на творчество Горького обстоятельной статьей, был Рафаэль Линдквист, переводчик произведений писателя на шведский язык. В 1901 году в журнале «Атэнеум» появился его обзор, написанный с привлечением русских критических материалов (автор упоминал имена Странника, Бояновского, Меньшикова). Горький рассматривался в статье как писатель, чье гуманистическое творчество было особенно нужно и ценно потому, что появилось оно в обстановке охватившего русскую интеллигенцию идейного «бездорожья». Для характеристики кризисного состояния «мыслящих людей» в России Р. Линдквист привлек повесть В. Вересаева «Без дороги», в которой отразилось разочарование писателя в либеральном народничестве. Впрочем, о кризисе именно народничества в финской статье не было речи, ее автор в общих выражениях говорил об идейном вакууме, в котором оказалось «новое поколение»: утратив веру в прежние идеалы, оно не видело перед собой и новых путей. И вот в этой-то атмосфере усталости и разочарования явился яркий, жизнелюбивый, целеустремленный талант Горького с его мягущимися героями из числа «странных людей», презревших «нормальное счастье» буржуазного существования. В центре внимания Горького, писал автор статьи, были именно «обеспокоившиеся люди», по той или иной причине не уживающиеся с современным им обществом и как бы «выламывающиеся» из него. Р. Линдквист полагал, что вольнолюбивые босяки и бродяги Горького, часто наделенные недожинной силой характера, но не находящие себе применения в обществе, сродни «лишним людям» русской литературы XIX века, с той, однако, разницей, что из среды дворянской интеллигенции «тревога» и «беспокойство» теперь опустились в самые социальные низы.

Финский критик особым подчеркивал, что, хотя в некоторых героях Горького и заметна определенная идеализация, однако их не следует считать выражением авторского идеала. Писатель вовсе не хотел проповедовать «вольное бродяничество» в качестве панацеи от социального неблагополучия. Как социально чуткий художник, Горький просто призывал читательское внимание к характерному общественному явлению — «беспокойные люди с тревогой в сердце» были в самой русской жизни, в том числе среди босяков.

Но, кроме эстетических задач, была ли

у Горького этическая цель? Чему он «учит»? По мнению Р. Линдквиста, лучший ответ на этот вопрос можно найти в горьковском рассказе «Читатель», специально посвященном теме предназначения художника. Читатель, герой рассказа, утверждает, что подлинному искусству надлежит противостоять духовному распаду, трусости и холопству, ему надлежит вселять в людей мужество, возбуждать жажду достойной жизни. «О, если б явился суровый и любящий человек с пламенным сердцем и могучим всеобъемлющим умом! В духоте позорного молчания раздались бы вещице слова, как удары колокола, и, может быть, дрогнули бы презренные души живых мертвецов...»

Р. Линдквист приводил в статье ответные раздумья художника, вызванные требовательным призывом читателя: «Я думал: могу ли я, могу ли удовлетворить тем требованиям, которые человек, по праву своему, предъявляет ко мне? Жизнь гаснет, умы людей все плотнее охватывает тьма сомнений, и нужно найти исход. Где путь? Одно я знаю — не к счастью нужно стремиться, зачем счастье? Не в счастье смысл жизни, и довольством собой не будет удовлетворен человек: он все-таки выше этого. Смысл жизни в красоте и силе стремления к целям, и нужно, чтобы каждый момент бытия имел свою высокую цель. Это было бы возможно, — но не в старых рамках жизни, в которых всем так тесно и где нет свободы духу человека...» Горький, по словам Р. Линдквиста, был убежден в том, что Россия более всего нуждалась в смелых и прекрасных мечтах, ее художники должны были писать так, чтобы созданные ими картины жизни вызвали «в человеке мстительный стыд и жгучее желание создать иные формы бытия...» (Горький).

Восприятие творчества Горького как вдохновенной проповеди гуманизма побудило Р. Линдквиста высказаться в статье об отношении писателя к ниществу, что было тогда одной из «модных» тем в русской и зарубежной критике. Допуская, что Горький едва ли смог совершенно избежать контакта с весьма распространенными в ту пору нищенскими идеями, Р. Линдквист писал, что, возможно, горьковская мечта о свободном, сильном человеке и имеет какие-то точки соприкосновения с «индивидуальной свободой» Ницше, однако «с жестоким нищенским культом сверхчеловека у Горького ничего нет общего». В подтверждение гуманизма Горького, его любви к жизни вопреки всем ее невзгодам, Р. Линдквист приводил слова архитектора Шебуева из повести «Мужик», человека с очень трудной биографией, в чем-то напоминающей скитальческий опыт самого писателя: «Жизнь — все-таки прекрасна! Ведь я пришел снизу, со дна жизни, оттуда, где грязь и тьма, где человек — еще полуживое, где вся жизнь — только труд ради куска хлеба... Там она летает медленно, темным, густым потоком, но и там сверкают на

солнце неценные алмазы великодушия, ума, героизма, и там есть любовь, и там красота — всюду, где есть человек, есть и хорошо! В крупницах, в малых зернах, да! но — есть!»

Приведа эти слова горьковского героя, финский критик заключал: «Это любовь к человеку, это, если угодно, культ человека, но ни в коем случае не культ сверхчеловека».

И все же при всей положительности статьи Р. Линдквиста о Горьком в ней сказана либерально-позитивистская ограниченность критика, отразившаяся, в частности, и на понимании им существа противоположности Горького нищезанятию. Со всей отчетливостью это проявилось в опубликованной через три года (в журнале «Финск тидскрифт») статье Р. Линдквиста «Житейский ад под огнями лампы» — о пьесах Горького «Мещане» и «На дне».

Камнем преткновения для Р. Линдквиста стала творческая эволюция Горького, появление в его пьесах таких образов, как машинист Нил и странник Лука. В сознании финского критика эти два образа были взаимосвязаны и взаимообусловлены, но связь получалась искаженная, весьма далеко отклоняющаяся и от горьковского замысла, и от объективного содержания его пьес. С точки зрения Р. Линдквиста, после раннего — романтического и «бунтарского» — периода Горький эволюционировал в пьесах в сторону толстовской этики и христианского гуманизма. В подтверждение критик ссылался на образ Луки. Причем подобным образом понятая эволюция как раз и истолковывалась Р. Линдквистом как способ Горького противостоять антигуманизму и жестокому произволу нищезанятию «сверхчеловека». С нищезанятием субъективизмом отождествлялась любая человеческая активность, в том числе усилия личности, направленные на революционное переустройство мира. И в том и другом случае действия личности якобы неизбежно сопрягались с нравственным нигилизмом, с бессердечием, забвением интересов ближнего.

В этом смысле «Мещане» с образом Нила представлялись финскому критику своеобразным прологом пьесы «На дне». В образе Нила писатель, мол, показал, как жажда деятельной жизни, стремление к независимости поступков приводят личность к эгоизму, к утрате способности сострадать другим людям. Такая коллизия, по мнению критика, и заложена в «Мещанах». Нила любит Татьяна, но ее любовь остается безответной. Нил знает о ее страданиях, но не проявляет к ней никакого сочувствия и оказывается невольной причиной ее попытки к самоубийству. В образе Нила, уверял Р. Линдквист, воплощается «жестокая, эгоистическая сила жизнерадостного человеческого духа». Эту бунтарскую «жизнерадостность» Горький якобы сначала довел в образе Нила до эгоцентрической крайности, чтобы затем в образе Луки отвергнуть ее

и опозитивировать христианское сострадание и жалостливое отношение к людям. Надо ли говорить, что в результате такого истолкования горьковских пьес смысл их совершенно искажался.

В 1902 ГОДУ одновременно на финском и шведском языках, в журналах «Валвоя» и «Атэнеум», появилась большая статья И. Манделштама, профессора русской словесности Хельсинкского университета, озаглавленная: «Главный тип в творчестве Горького». Главным типом были босяки, образы которых анализировались автором статьи в плане трагически воспринимавшегося им противоречия между «свободной личностью» и обществом, цивилизацией, культурой. Противоречие это понималось как нечто абсолютное, не подлежащее полному устранению ни в одном обществе. А вместе с тем абсолютизировалась и сама свобода личности. Горьковские босяки, говорилось в статье, стремятся к свободе именно «в полном смысле слова», тогда как любое общество может предоставить лишь «неполную свободу» и потому вынуждает личность бунтовать.

Подымая героев раннего Горького на высоту гордого индивидуализма, И. Манделштам в статье упрощал писательское отношение к ним, не замечая подчас явно иронических интонаций. Например, из рассказа «Тоска» в статье сочувственно цитировались слова работника Кузьмы, который свою страсть к бродяжничеству объясняет тем, что человеку надобно жить как душа того пожелает, ни в чем не ограничивая себя: «Самому против себя не надо спорить. Коли кто против себя заспорит, пиши — пропал человек». Автор статьи придавал словам Кузьмы некий абсолютный смысл; против этой наивно-неоспорительной «философии сердца», утверждал он, бессильны все доводы теоретика. Однако такая абсолютизация реплики Кузьмы противоречит духу горьковского рассказа. Попытка хозяйина Кузьмы, мельника Тихона Павловича, последовать совету работника и «не спорить с собой» оборачивается заурядным кабацким разгулом, от которого чувство тоски не избытывает.

Отождествление отдельных горьковских героев и даже реплик с позицией самого писателя было характерно в 900-е годы и для Иоэля Лехтонена. Ранние рассказы Горького, а затем и его первые пьесы привлекли к себе пристальное внимание Лехтонена, тогда еще студента и начинающего писателя, занятого мучительными поисками смысла жизни. В романтических героях раннего Горького он находил нечто близкое для себя и внимательно вслушивался в их рассуждения о жизни, о предназначении человека, а подчас мысленно спорил с ними. Следы такого спора запечатлелись в письме Лехтонена В. Таркианену от 8 марта 1902 года, в котором речь шла о «Макаре Чудре». Лехтонен спрашивал своего корреспондента: «Между прочим,

что ты думаешь о горьковском принципе: живи и сумей умереть, не спрашивая, зачем ты жил? Разве и в основе такого взгляда не лежит сомнение, отсутствие более удовлетворительного ответа на вопрос, как это бывает с ищущей мыслью, когда она еще не может выразить себя? Во всяком случае меня его ответ не убеждает. Ведь мы всегда к чему-то стремимся, пытаемся разрешить какие-то загадки, а не «просто живем».

Под «горьковским принципом» Лехтонен имел здесь в виду слова старого Чудры, который с одобрением говорит странствующему герою-рассказчику: «Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол. Так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай — вот и все!» «Кто скажет, зачем он живет? Никто не скажет, сокол! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и все тут».

Однако рассказчик в «Макаре Чудре» не просто слушает старого цыгана, но и возражает ему — эти возражения включены в наставления самого Чудры, их смысл улавливается в его интонациях. При всей поэтичности гордых и сильных характеров, о которых повествует Чудра, рассказчику очевидно и то, что житейская мудрость цыгана таит в себе опасность: мысль о самоценности отдельной личности и отдельной человеческой жизни, развитая до крайности, переходит в утверждение полной отъединенности человека от других людей.

В словах Чудры отразилась та истина, что собственническому обществу присущ утилитарный подход к человеку, но не уважение к личности как таковой. И здесь автор согласен со старым цыганом. Но вместе с тем есть своя правда и в возражениях героя-рассказчика. Отвергая утилитарно-прозаический взгляд на человека, Чудра наставляет, что сам человек, безотносительно к другим людям, и есть для себя цель, тогда как рассказчик отстаивает социально-коллективистский идеал личности, стремящейся «сделать людей счастливыми».

Молодой Иоэль Лехтонен (ему тогда было всего лишь 21 год), не удовлетворенный в цитированном письме поучением горьковского Чудры «просто жить», пытался найти высший смысл жизни в неотступном стремлении человека разрешить «загадки бытия», в неустанных исканиях, в благородном недовольстве человека собой и окружающим. Лехтонен находился тогда под обаянием горьковской «Песни о Соколе» и в своей рецензии на постановку «Мещан» в 1903 году с восторгом присоединялся к гимну в честь «храбрых безумцев».

Однако в восприятии горьковского творчества Лехтоненом был сильно ослаблен как раз тот социально-коллективистский идеал, который в «Макаре Чудре» выступает в возражениях героя-рассказчика и который во многих произведениях Горького противостоит асоциально-анархической «босаяцкой вольнице». Герои ранних повестей

Лехтонена («Скрипка дьявола», «Маталена» и др.) имеют ряд точек соприкосновения с горьковскими образами «беспокойных людей», презирающих «нормальное» общество, однако их «беспокойство» обычно получает черты анархистского бунтарства, стремления только к «личной свободе», настолько абсолютизированной, что она превращается в препятствие человеческому взаимопониманию. Правда, есть в ранних произведениях Лехтонена и слабые порывы к общей для всех людей цели, однако его герои не могут найти ее и обычно приходят к безутешному выводу, что ее либо нет вовсе, либо «целей столько, сколько людей на земле», то есть человеческая солидарность опять-таки недостижима.

Чертами анархистски понятой «личной свободы» и даже ницшеанского «культы силы» Лехтонен наделял и образ Нила из «Мещан». В данном случае он подавал руку Р. Линдквисту — с той разницей, что последний относился к Нилу неодобрительно и противопоставлял ему жалостливого Луку, тогда как Лехтонен восторгался Нилом именно как «сильной личностью», способной к целеустремленному самоутверждению.

Отметим, что рецензия Лехтонена на постановку «Мещан» была написана под явным влиянием рецензии Э. Лейно на тот же спектакль, опубликованной неделей ранее в газете «Пяйвялехти». Это подтверждается фразеологической близостью отдельных мест и общей канвой построения рецензии, хотя некоторые мысли Лейно были Лехтоненом настолько «заострены» (в том числе относительно образа Нила), что приобретали направленность, почти противоположную общему духу рецензии Лейно.

В рецензии Лейно на «Мещан» сравнительно скупому и лаконичному анализу самой пьесы в постановке Национального театра предшествовало изложение общего взгляда рецензента на творчество Горького, и эта часть представляет, пожалуй, главный интерес. Как никто из финских критиков начала века, Лейно подчеркивал непреходящее значение творчества Горького, видя в нем одно из крупнейших и знаменательных художественных явлений эпохи. Конечно, в огромной читательской популярности Горького и критическом шуме вокруг его имени кое-что, писал Лейно, могло потом обернуться данью моде, жертвами которой, не по своей вине, оказывались и выдающиеся писатели. Тем более, что у Горького — «самоучки» — была столь необычная биография, да и в качестве героев он избрал весьма колоритных «людей дна», — все это могло, по словам Лейно, «щекотать нервы пресыщенной публике». Но подлинный Горький, писал Лейно, тут ни при чем, он не подвластен капризам литературной моды. Напротив, Лейно считал, что настоящая слава Горького еще впереди, «его звезда скорее на восходе, чем на закате». Если очистить его популярность от всего наносного, перед объективным взором «предстанет творческая личность столь

огромная, что ни один ценитель литературы не может обойти ее и не испытать ее воздействия. Словом, Горький принадлежит к тем писателям, о которых с обязательностью необходимо составить мнение».

Главное в творчестве Горького заключалось, по мнению Лейно, не в «босюцком колорите», хотя это и была весьма броская и характерная черта. Главное состояло в удивительной свежести дарования Горького, свежести его отношения к жизни, в оригинальности его мировоззрения. Лейно объяснял это тем, что в Горьком-художнике «изначальная» сила жизни и природный талант счастливо соединились с завоеванными культурами, с достижениями богатого духовного опыта человечества. Выходец из народа, он был превосходным знатоком народных «типов», а причастность к культуре, высокой сфере мысли, к сложным проблемам времени «уберегла его от чисто внешнего изображения этих типов» — Лейно имел в виду опасность натуралистического бытописательства, в котором он уличал впоследствии так называемых «простонародных» писателей Финляндии.

Там, где притушившийся взгляд обычного «культурного человека» не видел ничего примечательного и достойного внимания, Горький обнаруживал бездну интересного, заслуживающего стать предметом глубокого раздумья. Его книги согреты трепетным дыханием жизни, и под напором этой жизни он вновь и вновь ставил «старые вопросы», над которыми многие «культурные люди» уже устали думать. Горький, писал Лейно, «отправляется из недр самой жизни, мир предстает его взору на заре своего рождения, когда все в этом мире кажется новым, значительным, поражающим воображение. Он изображает жизнь и людей крупно, в их первичных качествах, такими, какими они возникают перед свежим взглядом человека после долгого сна или после выздоровления от затяжной болезни. Он наделен великим даром удивления, который всегда будет отличительной чертой природного гения. Ему надо так много сказать, каждое явление жизни столь живо его интересует, требуя своей разгадки, на каждом шагу его ждет все новая пища для ума, и каждый новый день он встречает как первый день своей жизни — именно такое впечатление производит на нас писательская индивидуальность Горького».

Лейно разделял не все в художественной манере Горького, полагая, что желание «так много сказать» было связано и с некоторыми издержками, с излишне пространным «философствованием» из опасения, что читатель чего-то не поймет. Однако и в этом пристрастии к «объяснениям», как отмечал Лейно, проявлялся писательский темперамент Горького с его пытливым отношением к жизни. И «длинноты» нередко поражали читателя глубоко оригинальной точкой зрения, поворотами авторской мысли, «которые так покоряют нас».

В рецензии Лейно проходила мысль об активном отношении Горького к миру, в котором он видел много «лжи, несправедливости, консерватизма. Лейно говорил об известности Горького не только как художника, но и как борца за прогресс. Причем эта активность и свободолюбие писателя были лишены в восприятии Лейно того анархистско-индивидуалистического привкуса, который акцентировался в рецензии Лехтонена. Об образе Нила в «Мещанах» Лейно написал всего несколько фраз, но в них нет попытки придать этому образу нищенские черты «сильного человека», как об этом писали, с одной стороны, Р. Линдквист (тоном осуждения), а с другой — Лехтонен (положительно). Лейно не упрекал Нила в душевной черствости и недостатке сострадания, для него Нил был «бодрым и жаждущим деятельности человек», антипод Петра Бессеменова, который, «будучи уволенным из университета, ведет праздную жизнь дома, без всякого дела, без желаний и проклиная свое минутное бунтарство, имевшее столь неприятные для него последствия». В рецензии Лейно обращалось внимание на социальную специфику той среды, против которой восстает в пьесе Нил. В развале бессеменовской семьи, над которой «прошелся ветер-самум нового времени», Лейно видел отражение кризисного состояния среднего класса русского общества. О нищенстве Лейно упомянул не в связи с образом Нила, а в связи с творчеством Лехтонена.

Лейно в Горьком особенно ценил гуманистическую направленность его творчества. Конечно, Лейно не мог разделять революционного гуманизма зрелого Горького, каким он предстал в повести «Мать» и последующих произведениях. Однако новый гуманизм и не отталкивал Лейно настолько, чтобы он стал относиться к творчеству Горького с враждебностью, как это случилось, например, с поэтом Бертелем Грипенбергом. Преодоление разделенности человечества и опасности угрожавших ему катастроф казалось Лейно важнее мировоззренческих различий, что сказалось и на его отношениях с русским писателем. Когда в октябре 1921 года Горький по пути в Германию остановился на несколько дней в Хельсинки, Лейно навестил его и подарил писателю книгу своих стихов с дарственной надписью «от восторженно-почитателя» горьковского таланта. Со стороны Лейно это было не просто проявлением формальной вежливости, но выражением подлинного уважения к писателю, с которым он, несмотря на царившую тогда в Финляндии далеко не дружественную по отношению к Советской России атмосферу, стремился поддерживать человеческие и литературные контакты. В мае 1923 года Лейно, задумав издание международного «пацифистского и гуманистического» журнала «Мирный труд», обратил к Горькому с просьбой о сотрудничестве.

ОДНАКО наиболее прочной опорой гуманистических устремлений художников в новую эпоху стал не пацифизм, а сближение их творчества с целями и задачами социалистического рабочего движения. Писательский опыт Горького представлял в этом отношении огромный интерес, и естественно, что на его творчество именно в таком плане обратила внимание финская социал-демократическая печать еще в период 1905—1907 годов.

Одной из первых работ в финской критике, в которой был высказан взгляд на Горького как выразителя нового типа человеческой солидарности, явилось предисловие молодой Хеллы Вуолиёки, впоследствии известного драматурга, к горьковской повести «Исповедь», вышедшей на финском языке в ее же переводе в социал-демократическом издательстве в 1909 году.

В повести «Исповедь» проявились, как известно, «богостроительские» заблуждения Горького, на философскую и политическую сущность которых указал В. И. Ленин в беседах и переписке с писателем. Определенную дань этим заблуждениям заплатила и Х. Вуолиёки в своем предисловии. Она довольно решительно отвергала религию как идеологию покорности и смирения, оправдывающую социальное неравенство. Но само тяготение масс к социализму и пробужденные социалистическими идеями гуманистические надежды приравнивались в предисловии к религиозному чувству. К «богоискательству» героя повести и к конечному итогу его исканий — уподоблению народа богу — автор предисловия относилась весьма сочувственно.

Но отметить только это, значило бы пройти мимо того главного в предисловии Х. Вуолиёки, в чем заключалась новизна ее точки зрения на Горького в тогдашней финской критике. Напомним, что сам Горький подчеркивал впоследствии, что в «Исповеди» ему «нужно было показать, какими путями человек может прийти от индивидуализма к коллективистскому пониманию мира». Эта же идея, чрезвычайно актуальная для финской литературы предреволюционного периода, является центральной и в предисловии Х. Вуолиёки.

Свой анализ горьковской повести Х. Вуолиёки связывала с общественными процессами в Финляндии, где именно в это время началось широкое распространение социалистических идей, в том числе среди сельской бедноты. Важной целью предисловия Х. Вуолиёки была демократическая ориентация читателей, она стремилась развеять те страхи перед социализмом и рабочей партией, которые были живучи среди крестьянских масс и интеллигенции.

Горьковская «Исповедь» рассматривалась в предисловии Х. Вуолиёки в связи с теми социально-психологическими моментами, которые возникали в мелкобуржуазном сознании вследствие углубления общественного кризиса. Подтачивались основы церковно-религиозного мирозерцания,

обострялось чувство неустойчивости мира. Х. Вуолиёки писала, что «старый бог», с которым люди ладили в более спокойные времена, теперь перестал внушать доверие. Встревоженные этим, люди стали усиленно искать смысла жизни, твердой опоры, спасения от чувства покинутости. Одни отправлялись в поисках «исчезнувшего бога» в монастыри, в «святые места», других влекли иные пути. Горький, по словам Х. Вуолиёки, рассказал в «Исповеди» историю «думающего и глубоко чувствующего человека, который от веры в личностного бога пришел к пролетарскому мировоззрению».

В России жил «крестьянский народ», Россия оставалась крестьянской страной по преимуществу, и именно для такой страны, взбудораженной капиталистическим развитием, были в особенности характерны, по мысли Х. Вуолиёки, те описанные в «Исповеди» толпы «богоискателей», которые растекались по бесчисленным русским дорогам и тропам. В крестьянской стране, где жизнь веками оставалась относительно застойной, издавна случалось так, что распространителями подрывающих этот застой «ересей» становились люди деклассированные, разорившиеся, по той или иной причине «отпавшие» от своей среды. В них в первую очередь аккумулировались сомнения в справедливости и вечности «богоданного» миропорядка, мысль о его неустойчивости поддерживалась неустойчивостью их собственного социально-экономического положения (экономическую сторону дела Х. Вуолиёки в особенности подчеркивала). Такой же отпавшей от общества «божьей птичкой» является и герой повести Матвей — «крапивник, подкидыш, незаконный человек», как характеризует он себя сам.

Но крестьянской, мелкобуржуазной страной оставалась и Финляндия, и это обстоятельство придавало повести Горького в глазах автора предисловия особую актуальность для финского читателя. Там тоже были свои правдоискатели. «В тихих лесных краях есть люди, которые в старые времена жили, трудились, платили налоги, и умирали, веруя в старого бога и в царствие небесное после смерти. Но теперь экономические условия изменились, времена наступили беспокойные, жизнь большого мира пришла и к жителям глуши, торпарь боится потерять свой надел, батрак — работу. Откуда-то из города приходят люди, которые говорят, что там рабочие создали свою партию, борющуюся за интересы трудящегося народа... И тихий житель лесного края чувствует, что эти люди защищают и его интересы, он присоединяется к ним в надежде улучшить и свою собственную жизнь, и жизнь своих детей, которые, вовсе не имея земли, странствуют в поисках работы».

Но как быть с религией, которая веками сопутствовала крестьянской жизни? Ведь церковь в Финляндии долгое время притя-

зала на роль единственной наставницы народа, на роль просветителя даже в смысле обычной грамотности, умения крестьянина читать и писать. Консервативные силы теперь пугали торпаря тем, что союз с социалистами разлучит его с богом, лишит веры в бессмертие души, даруемой религией. Конечно, сама действительность и опыт борьбы, писала Х. Вуолиёки, помогут развеять эти страхи, и торпарь убедится, что «новые люди», социалисты, лучше церкви соблюдают принципы человеколюбия. Они не на словах, а на деле борются за освобождение угнетенных, воспитывают в них чувство товарищества и братства. К тому же в практической жизни люди обычно обходятся без бога и редко о нем вспоминают. Но есть деликатные стороны душевной жизни, человеку свойственно иногда задумываться о смерти, и если отвергнута идея религиозного бессмертия, то что же тогда остается? Как объяснить, откуда человек и куда идет? И в чем найдет он опору в последний час?

С этими вопросами Матвей, герой «Исповеди», приходит к рабочим на завод, и Х. Вуолиёки в особенности обращала внимание читателя на то, с каким «мастерством Горький изображает типы рабочих с пробуждающимся сознанием». В предисловии выделены два главных типа: кузнец Петр Ягих и живущий среди рабочих учитель Михайло. Первого из них Х. Вуолиёки охарактеризовала как человека-борца, который «всецело отдался пролетарской борьбе и не нуждается ни в боге, ни в подобных вопросах». Он потомственный рабочий, пролетарий, им руководит классовый инстинкт, и в силу этого инстинкта он, естественно, без мучительных внутренних кризисов, без колебаний и разрушительного скепсиса, находит свое место в жизни, в борьбе своего класса за переустройство мира. Он не отделяет себя от интересов класса, его не преследуют мысли о смерти, и потому ему нет нужды искать утешение в боге, религия настолько чужда его мировоззрению, что одно упоминание о боге ненавистно ему.

Всемерно подчеркивая в связи с образом кузнеца Петра мысль о том, что истинный пролетарий обретает личное бессмертие в бессмертии рабочего дела, причем обретает не рационалистически, не усилиями взбудораженного, оставшегося «без опоры» интеллекта, а развитым классовым инстинктом, Х. Вуолиёки одновременно указывала, что мучительность поисков, напротив, характерна для выходцев из мелкобуржуазной среды, которые по той или иной причине тяготеют к рабочему движению. Наряду с уроками самой жизни здесь требуется особенно усиленная работа сознания, пробивающегося через противоречия к той истине, которая рабочему с устоявшейся психологией потомственного пролетария дается без излишней траты духовной энергии. Примером такого извилистого развития и является, с точки

зрения Вуолиёки, история «богоискателя» Матвея, главного героя повести.

Восстановить гармонию мира на основе экономического и социального равенства призван рабочий класс—эта мысль в предисловии Х. Вуолиёки подчеркивалась настойчиво и определенно. С точки зрения автора предисловия, выражением назревшей исторической необходимости в коренном переустройстве общества как раз и была та «воля народа», о которой говорится в повести и которой должен был подчинить себя каждый индивид. Только сообразующаяся с этой волей деятельность могла дать исцеление от недугов индивидуализма, от гнетущего чувства одиночества, болезненного «богоискательства» и скепсиса.

Предисловие Х. Вуолиёки к «Исповеди» является примером того, как в финской критике дифференцировалось отношение к творчеству Горького под воздействием общественных событий и идейной эволюции самого писателя. Конечно, о новаторстве Горького в изображении рабочих как представителей революционного класса ярче «Исповеди» свидетельствовала другая его повесть — «Мать», которую Х. Вуолиёки в предисловии не упоминает. Можно, однако, с большой долей вероятности предположить, что ее мнение о Горьком как писателе социал-демократии сложилось под впечатлением не одной лишь «Исповеди», но всей совокупности горьковского творчества и его эволюции в сторону сближения с задачами революционного пролетариата.

Это тем более вероятно еще и потому, что в 1908 году, за год до появления финского перевода «Исповеди» с предисловием Х. Вуолиёки, в финском социал-демократическом журнале была напечатана статья В. Смирнова о «Матери» под названием: «М. Горький — художник русского пролетариата». В том же году журнал «Валвоя» начал печатать серию статей В. Смирнова под общим названием «О современной русской литературе», в которых также говорилось об эволюции творчества Горького и его связи с рабочим движением.

Дифференцированное отношение к Горькому по-своему проявилось и в тех двух встречах писателя с финской общественностью, которые состоялись 2-го и 4-го февраля 1906 года.

Авторы статей, описывавшие эти встречи, обычно не замечали различия между ними, они были для них рядом — и только. Между тем их характеризует и определенная противоположность, что станет ясно, если обратить внимание на некоторые обстоятельства организации той и другой встречи и их освещения в соответствующих органах печати.

Первый литературный вечер с участием Горького состоялся в Финском национальном театре; он предназначался для общедемократической публики, на нем была представлена «вся мыслящая Финляндия», а в роли устроителей вечера с финской стороны выступали интеллигенты, примы-

кавшие к так называемым «активистам», мелкобуржуазной политической группировке, близкой к русским эсерам и по примеру последних прибегавшей к тактике индивидуального террора. Горького на этом вечере чествовали как защитника финской автономии, и одной из целей вечера был сбор денежных средств в помощь русским революционерам. О вечере на следующий день довольно подробно писала либеральная газета «Хельсингин саномат», но — заметим это — ни единым словом не обмолвилась социал-демократическая газета «Тюэмиес».

И напротив, о втором литературном вечере, устроенном уже финской Красной гвардией специально для рабочей публики, подробно писала газета «Тюэмиес», но зато молчала на этот раз «Хельсингин саномат». Это было своеобразным проявлением борьбы «за Горького», рабочие хотели чествовать его как своего, пролетарского писателя и представителя русской социал-демократии.

Именно о втором, «красногвардейском» литературном вечере Горький тогда же, в феврале 1906 года, с восторгом писал Е. П. Пешковой: «В Гельсингфорсе пережил совершенно сказочный день. Красная гвардия устроила мне праздник, какого я не видал и не увижу больше никогда... Все было как в сказке, и вся страна, точно древняя сказка, — сильная, красивая, изумительно оригинальная».

Также и в дальнейшем симпатии к Горькому как пролетарскому писателю проявлялись в Финляндии главным образом со стороны социалистического рабочего движения и близких к нему писателей. Сложнее обстояло дело с теми представителями буржуазно-демократической интеллигенции, с которыми у Горького установились в период 1905 года личные отношения. Мы уже упомянули об Эйно Лейно, который сохранил чувство уважения и признательности к Горькому-гуманисту, не разделяя, однако, его революционных идеалов.

Другие, как например поэт Бертель Грипенберг, стали с годами относиться к Горькому с откровенной неприязнью, сожалея о былом знакомстве с ним. В 1906 году Грипенберг принадлежал к числу близких к финским «активистам» лиц, непосредственно охранявших Горького,

а когда был решен вопрос об отъезде писателя, поскольку его пребывание в Финляндии стало слишком опасным из-за преследований царских жандармов, Грипенбергу было поручено сопровождать его на пароходе в Стокгольм и затем в Берлин. В память об этой поездке Горький подарил свою фотографию (писатель снят вместе с М. Ф. Андреевой), которая была впоследствии воспроизведена в мемуарной статье Грипенберга «Знакомство с Горьким» (1932). Статья эта содержит ряд интересных деталей, изложенных, однако, с грубой политической предвзятостью. Ко времени появления статьи ее автор успел уже давно утратить всякие симпатии не только к русским революционерам, но и к финским «активистам».

Но для прогрессивных, тем более революционно мыслящих финских писателей Горький всегда был и остается образцом художника новой эпохи, гуманистом-революционером, посвятившим свое творчество делу социального освобождения человечества.

Нередко случалось так, что в самые трудные моменты жизни, во время испытаний духа, прогрессивные финские писатели мысленно обращались к Горькому, находя опору в мужественном оптимизме его книг и жизненного примера. Брошенные в период второй мировой войны в тюрьму, о Горьком с чувством духовного сродства вспоминали Хелла Вуолиёки и Арво Туртиайнен. В те же годы творческие импульсы от Горького получала Эльви Синерво.

А сравнительно недавно, когда некоторым финским писателям более молодого поколения было предложено высказаться, кто из русских классиков им всего ближе, известный прозаик Пааво Ринтала без колебаний назвал имя Горького.

Горький из тех художников мировой литературы, к которым невозможно оставаться безразличным. Или, выражаясь словами Э. Лейно, о Горьком «с обязательностью необходимо составить мнение» каждому, кто любит литературу и имеет отношение к ней. Эта мысль финского поэта, высказанная еще в самом начале двадцатого века, сохраняет свое значение и сегодня.